

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ВОЛН РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ)

Настоящая статья посвящена важнейшим событиям в среде российской эмиграции в Европе впервые послевоенные годы. Среди историков, изучающих процессы в русской эмиграции советского периода единого мнения о «волнах эмиграции» нет, но преобладающей является следующая: первая волна эмиграции – это эмиграция, начало которой положила российская революция 1917 года, вторая волна связана со Второй мировой войной и третья волна – это эмиграция, связанная с диссидентским периодом. Конечно, были отъезды из России и ранее, но это были в основе индивидуальные выезды и групповые, но под характеристику «волна» (по времени, численности и составу) они не подходят. Мы придерживаемся первой точки зрения.

Первая волна советской эмиграции изучена довольно хорошо. Стоит привести, считаем, точную характеристику структуры российской эмиграции первой волны, которую дала в 1930 г. Зинаида Гиппиус: «Одна и та же Россия по составу своему, как на родине, так и за рубежом: родовая знать, государственные и другие служилые люди, люди торговли, мелкая и крупная буржуазия, духовенство, интеллигенция в разнообразных областях ее деятельности – политической, культурной, научной, технической и т.д., армия (от высших до низших чинов), народ трудовой (от станка и земли) – представители всех классов, сословий, положений и состояний, даже всех трех (или четырех) поколений – в русской эмиграции налицо» [1].

Если первая постсоветская волна изучена достаточно хорошо, то этого нельзя сказать о волне второй. Для нас характеристика второй волны имеет принципиальное значение, так как это предопределило проблему сотрудничества постсоветской эмиграции. По этой проблематике много и плодотворно работал П.М. Полян, сошлемся на результаты его

исследования. В Германии и на территории союзных ей или оккупированных ею стран в годы войны оказались граждане СССР, во-первых, советские военнопленные. Во-вторых, и в-третьих, гражданские лица, насильственно увезенные в Рейх: это остовцы, или оstarбайтеры, к которым соответствуют советские термины оstarбайтеры – «восточники» и оstarбайтеры – «западники», проживавшие в районах, аннексированных СССР в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа. В-четвертых, это фольксдойче и фольксфинны, то есть немцы и финны – советские граждане, которых НКВД попросту не успело депортировать вслед за большинством их соплеменников, на долгие годы ставших «спецпоселенцами». В-пятых, и в-шестых, это так называемые «беженцы и эвакуированные», то есть советские гражданские лица, вывезенные или самостоятельно устремившиеся в Германию. Беженцами, в основном, были люди, тем или иным образом сотрудничавшие с немецкой администрацией. Эвакуированных, напротив, увозили в не меньшей степени насильно, чем классических «остарбайтеров». Седьмую категорию составляли гражданские интернированные – то есть дипломаты, сотрудники торговых и иных представительств и делегаций СССР, моряки, железнодорожники и др., застигнутые началом войны в Германии и интернированные. Количественно эта категория ничтожна [2].

Вторая волна сформировалась в период активного строительства социализма, сталинского террора 1920–1930-х годов и Второй мировой войны. Теоретически образование второй волны эмиграции ограничивается несколькими месяцами после окончания Второй мировой войны – временем массовой репатриации и массового же невозвращения в Советский Союз, но фактически хронологические рамки ее формирования значительно шире. По разным источникам численность этой волны эмиграции колеблется в пределах 500–700 тыс. человек. Вторая волна эмиграции в силу ее формирования имела более широкую группу относящихся более ли менее безразлично к большой политике. Её основную массу составляли люди, которые не возвращались в Россию, ожидая там репрессий. Слой интеллигенции в ней был сравнительно тонок и надо иметь в виду, что большинство элиты второй волны не успели проявиться на родине, а в эмиграции условий для творчества и политической деятельности было значительно меньше и по атмосфере, и

по материальным возможностям. Вряд ли стоит остро критично, заявлять, что в культуре вторая волна дала очень мало. Такие были условия.

Позиции политических группировок эмигрантов послевоенного периода во многом просматриваются задолго до него. Послевоенный период – это итог борьбы и победы в войне против фашизма и от отношения к нацизму в довоенный период в среде эмиграции виден задолго до войны. Сразу после прихода нацистов к власти в первых числах июня на страницах газеты «Возрождение» помещена редакционная статья, в которой заявлялось, что в Европе впервые поднимается знамя борьбы с коммунистическим злом; «... его поднимает Хитлер. Мы не были бы русскими людьми, если бы не приветствовали это знамя, под которым русские сражались на русской земле...» [3].

Представители либерально-демократического лагеря настороженно или отрицательно относились к приходу нацистов к власти в Германии. Характерна дискуссия, возникшая в 1936 г. на страницах русской зарубежной прессы между историком А. Керсновским и генералом М. Скородумовым. Говоря об участии эмигрантов в вооружённых конфликтах, Керсновский писал, что иностранные националисты, в том числе и германские наци – такие же враги для нас, русских эмигрантов, и нашей Родины, как и преследуемые ими коммунисты. Скородумов же отвечал: «Пуускай сперва подохнут все большевики, а потом ...поговорим и всё припомним иностранцам...». Позднее генерал стал формировать русский охранный корпус, но за попытки проявить самостоятельность был арестован гестапо.

Известие о нападении Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. вызвало во всех слоях российской эмиграции самый живой отклик. В конечном счете, это событие привело к окончательному размежеванию эмиграции. Каждый из российских эмигрантов должен был сделать выбор. Он сводился к одному из следующих вариантов: 1) встать на сторону фашистской Германии, чтобы с ее помощью устранить советский режим и избавить страну от «коммунистического ига»; 2) встать на позиции оборончества, поддержать СССР в развернувшейся войне, когда встал вопрос о самом существовании Отечества; 3) занять выжидательную и нейтральную позицию. Часть русской эмиграции решила отстаивать интересы русского народа, не взирая на советский режим. В эмигрантской

среде прочно утвердилась фразеология: первые назывались «пораженцами», вторые – «оборонцами».

22 июня 1941 года к послу СССР А.Е. Богомолу в советское представительство в Виши прибыл князь Оболенский, который потребовал советскую сторону зачислить его в РККА, чтобы защищать русское Отечество. В Лондоне в советское представительство явился Н.Н. Вырубов, который сказал советским представителям: – «Хоть бы рыть окопы, но на русской земле». 22 июня 1941 года Патриарший Местоблюститель за рубежом митрополит Сергей выпустил специальное послание, в котором благословил всех верных чад Русской Православной Церкви на подвиг по защите русского Отечества.

Безусловным было оборончество П.Н. Милюкова, который говорил, что русская эмиграция должна безоговорочно быть на стороне своей родины, ничего не требуя от большевистского правительства [4].

Глава Российского Императорского Дома великий князь Владимир Кириллович 26 июня 1941 г. обратился ко всем «верным и преданным сынам Родины» с призывом: «...способствовать по мере сил и возможностей свержению богоборческой большевистской власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма» [5].

Участие во Второй мировой войне приняли эмигрантские сыновья разных политических взглядов – от христианских демократов до молодых монархистов-демократов. Были среди них рядовые герои, сражавшиеся в регулярных войсках французской армии, были и подпольные борцы так называемого «Резистанса», принявшие мученическую смерть. Да и термин французского «Сопrotивления» произошел от подпольной газеты, издававшейся Б. Вильде и А. Левицким Résistance.

Немало страниц участникам сопротивления посвящено в книге В. Варшавского [6].

Настроения эмиграции скрыть было нельзя, германские оккупационные власти, с началом вторжения в СССР, изменили политику в отношении русских эмигрантов. Около 1 тысячи человек – русских эмигрантов только в одном Париже были арестованы и впоследствии отправлены в лагерь Компьен.

Мы не можем определенно сказать, какие настроения преобладали в среде эмиграции первой волны. Достоверной статистики нет. Не можем

руководствоваться и свидетельствами и самих эмигрантов, так как это зависело от того, как взглядов придерживался говорящий. Определенно можно говорить лишь о влиянии т.н. географического фактора. В государствах Восточной Европы, где в основном осели военнослужащие белых армий, сторонников коллаборационизма было больше. В Югославии был сформирован Русский охранный корпус самое многочисленное формирование коллаборационистов. Первоначальное ядро корпуса составили эмигранты, проживавшие в Югославии [7].

Мы оставляем в стороне фашистские настроения русской эмиграции, которые были распространены в среде эмигрантов в разных странах. Это выражалось в создании фашистских партий и организаций, с ними все ясно и не они предмет настоящей статьи. Нас интересуют отношения мыслящей части эмиграции.

Исторический период от начала 1930-х гг. до середины 1940-х был трагическим не только для народов Советского Союза, но и для российской эмиграции. Эмигрантам суждено было сделать очень непростой выбор. И «оборонцам», и «пораженцам» надлежало решить, кого поддержать и поддерживать ли вообще? Строго говоря, для эмигрантов хорошего решения не было.

Важной внутренней проблемой зарубежья в послевоенный период были взаимоотношения между старой и новой эмиграцией. Эта проблема осложнялась наличием власовского движения во время Второй мировой войны. Отношение к ней было неоднозначным во время войны, таким же оно осталось и после её окончания. В послевоенное время с критикой коллаборационизма выступали многие общественные деятели эмиграции. Резко выступал «Социалистический вестник», который даже отказался от рассмотрения фактической стороны этого явления. В среде старой эмиграции имели хождение взгляды, что все граждане Советского Союза должны быть репатриированы, даже и насильно. Но значительная часть эмигрантов первой волны принимала участие в широкой помощи ДиПи как в том, чтобы избежать репатриации, так и в том, чтобы помочь как-то устроиться на новом месте. Эти противоречия, конечно, осложняли и без того непростые отношения внутри эмиграции.

Необходимо отметить значительную помощь эмигрантам второй волны, которую оказал Толстовский фонд, созданный младшей дочерью

Льва Николаевича Александрой. В 1929 году она выехала в Японию для чтения лекций об отце, в Советский Союз не вернулась. В США преодолевая большие трудности, при поддержке и с помощью С. Рахманинова, С. Паниной, историка М. Ростовцева. открыла для нуждающихся благотворительный фонд.

Фонд открылся в 1939 году, когда в Финляндии появились первые пленные красноармейцы. После Второй мировой войны через фонд прошло более 40 тысяч перемещенных лиц и невозвращенцев. В 1956 году филиал фонда был открыт в Мюнхене. Сейчас филиалы фонда работают во многих странах мира [8].

Определенный интерес для понимания сотрудничества волн российской эмиграции может дать история Народно-Трудового Союза (НТС). НТС ранее всех других организаций начинает сотрудничать со второй волной эмиграции. После войны центр НТС обосновался в лагере перемещённых лиц Мёнхегоф под Касселем в Западной Германии. Он вел пропаганду против насильственной репатриации. Население лагеря выросло с 500 до 2500 человек. Наряду с администрацией от ЮНППА, существовало самоуправление лагеря. Оно стало издавать справочные материалы для жителей лагеря. Так возникло лагерное издательство «Посев», с ноября 1945 г. стал выходить журнал с тем же именем, а с июля 1946 года начал выходить кварталный «журнал литературы, искусства и общественной мысли» – «Грани».

В редакциях обоих журналов была представлены и первая и вторая волны эмиграции, а позже и третьей. То же следует сказать и об авторах публикаций [9].

В послевоенный период СССР развернул кампанию по возвращению эмигрантов первой волны. Эта кампания была особенно широкой во Франции. 12 февраля 1945 года посол СССР во Франции А.Е. Богомолов принял группу видных общественных деятелей русского зарубежья. В.А. Маклаков в обращении к послу заявил: «Мы восхищались патриотизмом народа, доблестью войск, искусством вождей и должны были признать, что все это подготовила советская власть, которая управляла Россией... Нужно работать для взаимного понимания и примирения» [10].

22 июля 1946 года в просоветской газете «Русские новости» (Париж) был опубликован Указ Верховного Совета СССР о восстановлении гражданства СССР подданным бывшей Российской империи, а также лицам, утратившим советское гражданство, проживающим на территории Франции. Многие эмигранты получили советские паспорта, часть из них вернулась на родину, но большая часть заняла выжидательную позицию, а затем возвращение для них стало невозможным, так как надежды на смягчение политического режима в СССР не сбылись.

Была попытка вернуть в СССР И. Бунина, единственного тогда русского нобелевского лауреата по литературе. К. Симонов вспоминал, что в 1946 году перед командировкой за рубеж он получил поручение (его принимал В. Молотов) и большую сумму на расходы в командировке. До этого посол СССР во Франции А.Е. Богомолов имел беседы с Буниным и обещал ему издание собрания сочинений. К. Симонов несколько раз встречался с Буниным, приглашая его в дорогие рестораны, устраивал на квартире Бунина «русский обед», для которого самолетом доставили из елисейского магазина селедку и другие российские яства. Бунин был непреклонен и объяснил, что ему сейчас в коммунистической России делать нечего. А когда началась кампания против А. Ахматовой и М. Зощенко вопрос отпал сам собой [11].

Для подавляющего же большинства эмигрантов первой волны вопрос о возвращении не стоял, но для многих из них, особенно в первые годы, отношение к новой эмиграции было сложным. На первый взгляд, их формула «Ни со Сталиным, ни с Гитлером» могла показаться безукоризненной, но она была возможна лишь в том случае, если оставаться в стороне и не принимать никакого участия в событиях (напомним, кстати, что этой формулой руководствовался и НТС перед нападением Гитлера на СССР). Кроме того, большинство эмигрантов новой волны не были власовцами, и отказ от сотрудничества с ними означал уход на обочину политической жизни.

Вновь создаваемые демократические организации стремились привлекать на свою сторону людей новой эмиграции, признавая за ними иной жизненный политический опыт и их значение для этих организаций. В первом номере «Народной правды» – печатного органа Российского народного движения, ее редактор Р.Б. Гуль опубликовал статью «Смысл

встречи двух эмиграций», в которой отмечал, что за тридцать лет первая эмиграция оказалась совершенно оторванной от родины, она не знала, как народ относится к власти коммунистов. Смысл встречи старой и новой эмиграции он видел в том, что последняя прорвала этот непроницаемый занавес между эмиграцией и родиной [12].

В течение всего времени, пока выходила «Народная правда» (1948–1951 гг.), на ее страницах были широко представлены авторы из новой эмиграции. Статьи отражали все стороны жизни СССР, и в результате этих публикаций складывалась широкая картина советской действительности. В статье «Две или одна», опубликованной Г.П. Федотовым в первом номере бюллетеня Лиги борьбы за народную свободу «Грядущая Россия», автор писал: «Смена пришла неожиданно с той стороны, откуда мы ее не чаяли. Россия двинулась на нас не отдельными беглецами, но сплошной массой... Какое счастье – мы не одни. Россия пришла, мы с ней».

С вниманием относился к людям послевоенной волны А.Ф. Керенский. Он неоднократно встречался с одним из лидеров – СБОНРа Ю.В. Диковым [13].

Керенский организовал встречу Дикова с видными общественными деятелями старой эмиграции, на которой присутствовали В.А. Маклаков и несколько человек ярких антивласовцев. Обмен мнениями прошел спокойно, а заключая встречу, Маклаков заявил, что в своем антисталинизме Диков прав и ему не за что извиняться. Заслуживает внимания и выступление А.Ф. Керенского по радио «Свобода» в пятидесятых годах обращенное к народам Советского Союза. Он, в частности сказал: «Для нас, старых изгнанников встреча с советскими гражданами из лагерей ДиПи была долгожданной, радостной встречей с живой Россией. Мы теперь вместе – старые и новые. Мы вместе хотим помочь нашему народу в борьбе за освобождение. Все мы едины. Един наш народ в непреклонном отрицании тоталитарного коммунистического рабства и в воле к свободе». И, называя общие требования старых и новых эмигрантов, говорил о необходимости свободных выборов, запрещении коммунистической партии и других демократических положениях.

Жизнь и политическая деятельность эмиграции проходила в странах, в которых отношение к эмигрантам во многом зависело от отношения этих стран с Советским Союзом. Мы знаем, что переход от союзнических

отношений во время Второй мировой войны к «холодной войне» занял определенное время и за этот период менялось отношение и к эмигрантам из Советского Союза, и к эмигрантам первой волны – от неприятия к сочувствию, а затем к поддержке.

Так было и во Франции, где, несмотря на значительное уменьшение числа эмигрантов во время войны, оставалась значительная русская диаспора. Пока в правительстве Франции присутствовали коммунисты, положение эмигрантов было сложным и во многом зависело от советского посольства. Антисоветским организациям эмигрантов чинились всяческие препятствия, то же касалось и издательской политики. Действовал разрешительный принцип, и просоветским периодическим изданиям такие разрешения выдавались беспрекословно, демократическим – нет. Так, известному историку и общественному деятелю С.П. Мельгунову несколько лет приходилось свой политический журнал маскировать под малопонятные «периодические сборники», много раз меняя название: «Российский демократ», «Свободное слово», «Независимый голос» и др.

После окончания войны продолжал существовать лагерь для советских ДиПи под Парижем Боригар, который стал жупелом как для новой, так и для старой эмиграции. Ходили упорные слухи о расстрелах, которые происходили в нем. Продолжалось это до 4 ноября 1947 года, когда около двух тысяч полицейских, руководимых лично директором французской контрразведки при поддержке четырех танков, окружили лагерь и, несмотря на протесты советской администрации, лишили лагерь экстерриториальности и перевели во французское подчинение. Правда, лагерь Боригар просуществовал еще два года — до 1951 года [14]. Серьезное влияние на общественное мнение Франции оказало «Дело Кравченко», получившее название «Парижский процесс». В.А. Кравченко, офицер Советской Армии, будучи в командировке в США, в 1944 году отказался вернуться в СССР. В 1946 году он написал книгу «Я выбираю свободу», имевшую большой успех и переведенную на многие языки. Фраза «я выбираю свободу» стала нарицательной на десятилетия, выражаясь современным языком – политическим брендом. В коммунистическом еженедельнике «Леттр франсез» появилась статья, утверждавшая, что книга Кравченко – фальшивка, изготовленная по рецептам Геббельса «предателями-

меньшевиками», а сам Кравченко – марионетка ФБР, наймит империализма и т.п.

Кравченко подал на «Леттр франсез» в суд за клевету и оскорбление. Суд состоялся в Париже в 1949 году и привлек внимание мировой общественности. На стороне журнала выступал почти весь цвет левой французской интеллигенции: П. Куртад, А. Вюрмсер, Р. Гароди, П. Веркор, Ф. Жолио-Кюри, а также левые политики из других стран. На процессе шла речь о том, искажил ли Кравченко картину жизни в СССР, когда писал о низком жизненном уровне, массовых репрессиях, жесточайшей цензуре. На суд прибыла специальная бригада свидетелей защиты во главе с генералом Л.А. Руденко. Процесс продолжался два месяца и закончился полной победой В.А. Кравченко [15].

Для Соединенных Штатов Америки 1947 год был рубежным в изменении внешней и внутренней политики. Менялось отношение к СССР и к коммунистам. Наряду с созданными ранее на волне симпатий к СССР обществами Друзей Советского Союза также широко стали создаваться общества Друзей русской свободы (нечто противоположное, что следует уже из самого названия). Создание этих обществ должно было изменить общественное мнение по отношению к Советскому Союзу, что и удалось.

Когда в 1949 году в Нью-Йорке организовалась Лига борьбы за народную свободу, в создании которой приняли участие представители как первой, так и второй волны эмиграции, был проведен многолюдный митинг. Он привлек внимание американцев. Все крупные газеты Америки и Европы откликнулись на это событие, а радиостанция «Голос Америки» посвятила ему специальную передачу. Вскоре состоялся второй митинг, который также получил, широкий отклик, для оказания технической и материальной поддержки антибольшевистским силам.

Это пожелание было реализовано российским зарубежьем во время послевоенной эмиграции. То, что, наконец, этот диалог состоялся, зависело от времени, от известного ослабления режима на родине, но многое зависело и от людей второй волны, от их таланта, усилий и умения. Диалог состоялся, и это главное в истории российской культуры.

К началу Второй мировой войны культурная жизнь русского зарубежья стала менее интенсивной, и тому были объективные причины: рассеяние по миру и уход из жизни многих корифеев русской культуры. Об этом может

свидетельствовать сопоставление количества русских изданий за рубежом в разные периоды. В 1917–1923 годах за рубежом выходило около 800 периодических изданий, а к 1940 году их число сократилось вдвое.

В годы войны оставались единицы изданий и издательств русской эмиграции (мы не считаем издания на русском языке, выпускаемые германской администрацией).

После войны, с появлением новой волны эмиграции, произошел взрывной рост издательской деятельности, начало этого процесса пришлось на время существования лагерей для перемещенных лиц. И на страницах этих изданий соседствовали и работы эмигрантов второй волны и эмигрантов волны первой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Гиппиус З.Н.** Собрание сочинений. Т. 13. У нас в Париже: Литературная и политическая публицистика 1928–1939 гг. Воспоминания. Портреты. Сост., подг. текста, коммент., ук. имен А.Н. Николукина и Т.Ф. Прокопова ... М.: Изд-во Дмитрий Сечин.
2. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию. [Электронный ресурс] – demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit01.php.
3. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы. М. Владос. – 1999. – с. 164.
4. **Родионова Н.А.** Лицом к России. [Электронный ресурс] – www.hse.ru/pubs/share/direct/document/84209394.
5. **Закатов А.Н.** Дом Романовых и Великая Отечественная война. [Электронный ресурс] – ru.convdocs.org/docs/index.
6. **Варшавский В.С.** Незамеченное поколение Русский путь / Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына: 2010 – Незамеченное поколение. [Электронный ресурс] – Электронная библиотека royallib.com/book/varshavskiy.../nezamechennoe_pokolenie.html.
7. На 12.09.1944 г. из 11197 человек личного состава 3198 было из Сербии, 272 – Хорватии; из Румынии прибыло 5067, Болгарии – 1961, Венгрии – 288, Греции – 58, Польши – 19, Латвии – 8, Германии – 7, Италии – 3, Франции – 2; бывших советских военнопленных – 314. Русский корпус. [Электронный ресурс] – https://ru.wikipedia.org/wiki/Русский_корпус.
8. Александра Львовна Толстая. Нестандартная дочь. Журнальный клуб Ителрос. Русская жизнь. № 9, 2007 [Электронный ресурс] – <http://www.intelros.ru>.
9. Народно-трудовой союз российских солидаристов. [Электронный ресурс] – https://ru.wikipedia.org/.../Народно-трудовой_союз_российских_солидаристов.
10. **Костиков В.** Не будем проклинать изгнание (Пути и судьбы русской эмиграции). [Электронный ресурс] – www.e-reading.club/book.php?book=29782.

11. Неудавшаяся миссия: как Симонов возвращал в Россию Ивана Бунина. [Электронный ресурс] – www.svoboda.mobi/a/24200394.html.
12. Гуль Р.Б. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. III: Россия в Америке. Нью-Йорк, 1989. С. 101–102.
13. СБОНР – Союз борьбы за освобождение народов России идейной основой считал Пражскую декларацию КОНР.
14. Русская мысль. № 4170. 17–23 апреля 1997.
15. Носик Б.М. «Этот странный Парижский процесс». М., 1991.